

Под знаменем дружбы

В выступлениях представителей братских коммунистических и рабочих партий на XIX съезде КПСС звучали подлинный голос народов земного шара, их чаяния и стремления, их любовь и благодарность к Советскому Союзу, который, как светлый маяк, озаряет их путь.

«Взоры народов всей земли обращены к Советскому Союзу, в нем они видят свое будущее и свою надежду», — говорится в приветствии XIX съезду, подписанном тов. Мао Цзе-дунем.

Одним из источников влияния Советской страны и непрерывного роста ее международного авторитета являются великие принципы равенства, свободы и братского сотрудничества народов, сплоченных в единую семью под знаменем пролетарского интернационализма. Высоко реяло это знамя на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза.

Лозунг пролетарского интернационализма «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», провозглашенный свыше ста лет назад в «Манифесте Коммунистической партии», с новой силой звучит в наши дни. Идеология пролетарского интернационализма получила всестороннее развитие в классических трудах Ленина и Сталина, стала живой душой ленинско-сталинской политики равноправия и дружбы народов.

В своей замечательной речи на XIX съезде партии товарищ Сталин еще раз подчеркнул значение идей пролетарского интернационализма. Он показал единство национальных и интернациональных задач братских коммунистических партий, единство задач Коммунистической партии Советского Союза и интересов миролюбивых народов.

«...Великая поддержка миролюбивых стремлений нашей партии со стороны любой братской партии», — сказал товарищ Сталин, — означает вместе с тем поддержку своего собственного народа в его борьбе за сохранение мира.

Изучение теоретических основ идеологии пролетарского интернационализма, заключенных в трудах классиков марксизма-ленинизма, — важнейшая задача советской интеллигенции. Партия учит советских людей, что быть советским патриотом — это и значит быть подлинным интернационалистом, нетерпимым относиться ко всем видам проявления антинародного национализма. Коммунистическая партия, советский народ беспощадно разгромили буржуазные национал-уклонистов, пытавшихся помешать укреплению дружбы социалистических наций. Ни идеология пролетарского интернационализма глубоко проникла в сознание советских людей.

Однако, как указывает товарищ Сталин, «...перехитрил капитализм в сознании людей горлозубое желание в области национального вопроса, чем в любой другой области. Они более живучи, так как имеют возможность хорошо маскироваться в национальном костюме». На отдаленных участках идеологического фронта сказываются еще проявления националистической, враждебной социализму идеологии. В некоторых республиках имела место идеализация реакционных деятелей прошлого, идеализация враждебных, вредных литературных произведений, отвращающих сознание наших людей к идеологии национализма.

На вооружение лагеря контрреволюционных империалистов принято ядовитое оружие звериного национализма, растленная идеология расизма. За рассуждениями о превосходстве «сильных» наций над «слабыми» видны клыки хищников, претендующих на мировое господство. Оружие демократизации народов перед лицом империалистической агрессии служит проповедь буржуазного космополитизма. Эта проповедь в наши дни целиком мобилизована на подготовку войны против СССР и стран народной демократии.

Партия подняла советский народ, кадры нашей интеллигенции на беспощадную борьбу с проявлениями буржуазного космополитизма среди части советских людей. Клеймо космополитизма стояло на писаниях буржуазных эстетов, мешавших развитию нашей литературы, на произведениях формалистов в музыке, игнорировавших национальную форму в искусстве. Дух космополитизма сказывался и в позорном просматривании перед иностранщиной, в пренебрежении к славным традициям отечественной культуры, науки.

Под руководством партии была проделана огромная работа по восстановлению исторической истины, справедливой оценки великих открытий и достижений отечественной науки.

Подняв на должную высоту достоинство отечественной науки, партия вскрыла всю опасность буржуазного объективизма, так же получившего известное распространение среди части работников советской науки. Партия призвала работников всех отраслей науки к борьбе за большевистскую партийность в теоретической работе, за господство боевого патристического духа в их рядах.

Советский Союз является сейчас общепризнанным центром мировой культуры. Верный своему интернациональному долгу,

он оказывает странам народной демократии разностороннюю экономическую и культурную помощь. Все прогрессивное, что есть в капиталистических странах, вдохновляется ныне необходимыми идеями коммунизма, великим примером СССР.

Советский Союз стремится как можно больше расширить обмен культурными ценностями со всеми странами мира. В громадном количестве в СССР издаются произведения зарубежных писателей, с подмостков советских театров не сходят пьесы иностранных драматургов.

Из года в год расширяют обмен международных сношений Академия наук СССР и Академия наук союзных республик. «Особенно быстро растут и будут еще шире развиваться», — писал недавно президент АН СССР А. Н. Несмеянов, — наши дружеские связи, обмен опытом и деловое научное сотрудничество с деятелями науки, культуры и высшего образования стран демократического лагеря.

Дружеское взаимопонимание и научное сотрудничество возможны между честными учеными всех стран, независимо от их политических убеждений и взглядов.

Академия наук СССР охотно направляет свои делегации на научные съезды и конференции, созываемые и в капиталистических странах. Так, например, только в этом году советские ученые приняли участие в работе годовичного собрания Общества физической химии Франции, второго Международного биохимического конгресса в Париже, девятнадцатого Международного геологического конгресса в Алжире, восьмого Международного астрономического съезда в Риме.

В больших масштабах ведется в нашей стране международный обмен научными изданиями. В 1951 году библиотека одной только Академии наук СССР послала за границу 126.210 книг и журналов в 1.200 учреждений 59 стран. За это же время получено в обмен 50.496 экземпляров.

Характерно, что именно те, кто громче всех кричал о «железном занавесе», всячески препятствуют налаживанию культурных связей. Так, Институт радиотехники в Нью-Йорке, Департамент естественных ресурсов в Сан-Франциско и ряд других учреждений Соединенных Штатов Америки отказались поддерживать связи по книгообмену с научными учреждениями СССР. О своем отказе высказать в порядке обмена научную литературу по естественным и точным наукам сообщила Нью-Йоркская публичная библиотека.

Значение Советского Союза как центра мировой культуры подчеркивается тем глубоким уважением, с которым советские люди относятся к прогрессивному культурному наследию других стран.

Вместе со всем прогрессивным человеческим наследием Советской страны горячо откликнулись на постановление Всемирного Совета Мира о праздновании юбилеев таких гениев мировой культуры, как Леонардо да Винчи, Виктор Гюго, Аллеандре. Председатель Всемирного Совета Мира Фредерик Жолио-Кюри говорил о значении этих международных чествований: «Народы и люди узнают друг друга, несмотря на расстояния и на границы, которые их еще разделяют. Они и далее обогащают общее достояние. Они пойдут, таким образом, вперед по пути, на котором рассеивается мрак и занимается заря будущего, основанного на доверии и мире».

Укрепление дружественных связей советской культуры с прогрессивной культурой зарубежных стран ознаменовалось и присуждением Сталинских премий ряду зарубежных писателей.

Буржуазная американизированная литература и искусство, преследуя цели духовного разоружения народов перед лицом империалистической экспансии, насаждают культ измышленных, звериных инстинктов, распространяют настроения пессимизма и обреченности. Советская литература, верная идеям пролетарского интернационализма, активно противостоит этим попыткам воплотить в грязь достоинство человека. «Человек!.. Это звучит... гордо!» — писал Горький. Советская литература доказывает бессмертный горьковский тезис и силой публицистического слова, и неотразимой убедительностью реалистических образов строителей коммунистического общества.

Темы борьбы народов за мир, свободу и независимость глубоко волнуют советских писателей. Яркие портреты борцов за мир запечатлены в романе И. Эренбурга «Летящий вал», образы борющейся демократической Америки живут в пьесе Б. Лавренца «Голос Америки». Глубоким сочувствием к народам Пакистана, изнывающим под пятой американско-английских колонизаторов, проникнут диалог стихов «Два поэта» Н. Тихонова. Против ватиканских и православнокатолических прислужников американских империалистов заострена пером Д. Еремкина «Гроза над Римом», любовь и уважение к трудовому народу Италии полны «Итальянские впечатления» Л. Павленко.

Партия требует от советской литературы активного участия в великом деле воспитания трудящихся в духе идеологии дружбы и братства народов.

Пролетарский интернационализм, международная солидарность трудящихся являются одним из важнейших факторов в борьбе за мир, демократию и социализм.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 138 (3011)

Суббота, 15 ноября 1952 г.

Цена 40 коп.

Народный поэт

Народного поэта Советской Белоруссии Якуба Коласа, семидесятилетие которого отмечаем мы, любят и знают далеко за пределами республики. Творчество его — достояние и гордость всех народов Советского Союза.

Невозможно в небольшой газетной статье дать сколько-нибудь удовлетворительное представление о творческом пути народного поэта. В силу этих обстоятельств я вынужден ограничиться лишь краткими впечатлениями о личности и творчестве Якуба Коласа.

Как поэт Якуб Колас формировался под влиянием прогрессивной русской литературы — сочувствие и безраздельным, пламенным призывом к борьбе за освобождение из цепей рабства стали основными мотивами его творчества. Сын малоземельного крестьянина, деревенский учитель, он уже во время революционного подъема 1905 года вел агитацию среди крестьян за насильственный захват помещичьих земель, за свержение самодержавия. И в тяжелые годы реакции поэт не прекращал борьбы с паразитом.

У Коласа есть стихотворение, написанное им в 1908 году, — «Осади назад!», особенно характерное для его творчества в тот период. В нем с большой обличительной силой запечатлены горькая участь безземельного и бесправного крестьянина, затесанный гнев и ненависть народа к угнетателям:

Дрянное житье-бытье,
Все идет не в лад,
Мне кричат повсюду:
«Осади назад!»

Нет зерна в амбаре,
Жито выбил град,
«Старшина, дай сосуд!» —
«Осади назад!»

Без гроша останешься,
Я работаю рабом,
«Нет ли работенки?» —
«Осади назад!»

Все здесь ярко и метко, каждое слово бьет в цель и особенно изумляет всякий раз по-новому звучащий рефрен: «Осади назад!» — грубый полицейский окрик, который повсюду звучал в те годы, в годы забастовок и революционных демонстраций, во всех концах России. Подтекст стихотворения звучит грозным напоминанием о революции 1905 года.

В 1908 году Якуб Колас за революционную деятельность был приговорен Виленской судебной палатой к трем годам тюремного заключения. Ни преследования жандармов, ни тюрьма не остановили поэта-революционера. Верой в народ и оптимизмом дышат стихи, рассказы и повести Коласа, написанные в тюрьме.

И сегодня нельзя без волнения читать строки, написанные поэтом за решеткой, дышащие предчувствием революционной бури, призывом к борьбе:

«Я — мужик, но ум имею,
Будет время и мое,
Я молчу, кричать не смею,
Но когда-нибудь сумею
Крикнуть: «Клопы, за ружье!»

Люблю я ночи час тот дивный,
Когда простор, объятый сном,
Разбудит голос переливчатый —
Дальских туч могучий гром,
Когда претяжко зарючат
И ухнет в небе тяжело;
И лес, замешушится, забормочет,
И в доме задрожит стекло.
А туча грозно насадет,
Вся в летях молний золотых...
А ночью... а ночью еще не знает,
Что грянет буря через миг!

Сколько здесь неповторимого своеобразия и вместе с тем как это близко «Буревестнику» Горького, которого сам Якуб Колас так же, как и Янка Купала, считал своим другом и учителем.

Так же, как и Янка Купала, Колас наблюдал процессы класового расщепления в деревне, ненавидел богатеи-кулаков, которые выжили сами и кровь из своих однопольчан не хуже помещиков. В стихотворении «Кирля» поэт высмеивает сельское старство — богатея Киряну. В стихотворении «В суде» Колас устами бедняка Липки выразил ненависть трудового народа к туеядцам-кулакам, которые обыкновенно избирались старостами и сотскими. Это чувство лежит и в основе крупнейших поэтических произведений Коласа — поэм «Новая земля» и «Хата рыбака». Оно красной нитью проходит че-

На берег Свислочи, под Устье, Перенесены мы сейчас, В тот тихий угол, в захолустье, Что я описывать не раз.

Разве это не горькая повесть о судьбе обездоленного? Разве только участь затаившегося перед поэтом, когда он с такой искренней взволнованной задумчивостью писал эти берущие за душу простые слова, полные большой обобщающей силы? Перечитывая эти стихи, невольно вспоминаешь известное высказывание М. Горького: «В Белоруссии есть два поэта: Якуб Колас и Янка Купала — очень интересные ребята... Просто пишут, так ласково, грустно, искренно». Грустно, задумчиво, обаянием простоты овеяны и многие другие стихи о доле бедняка. Нельзя во вспомнить стихотворений «Перед судом» и «Доля батрачки». В первом из них мать отправляет сына в суд. Она еще верит, надеется, что бог пошлет сыну «добрую минуточку», что сын ее вернется домой. Но иначе думает уезжающий сын:

И чтоб справиться с неправдой
И с бедою, — нужно
Всем подняться немущим
На богатых дружно.

В стихотворении «Доля батрачки» мать отправляет дочь не в суд, не на расправу, она отправляет ее к чужим людям батрачкой. Но у читателя не остается сомнения в том, что у чужих людей дочери будет не лучше, чем сыну за решеткой. Где же выход из беспробудной нужды и неволи? На этот вопрос отвечает Колас в произведении, написанном в годы советской власти. Недалеко под Минском есть любимый поэтом уголок Устье, с Блужским бором, с речкою Балачанкою, за которой:

Раскрыты шатры, богатыри дубы
Стоят за речкой лагерем могучим.
В борьбе с дубами вихри все слабы,
Вершин ветвистых гордые чубы
И в час грозы не бьют покलों тучам.

Весело, легко, привольно текут стихи поэта, когда он вспоминает этот край. На первый взгляд стихи об Устье — стихи о природе. Но это только на первый взгляд. На самом деле в них выражено радостное, оптимистическое чувство поэта, любовь его к родной земле, обновленной счастливым трудом советских людей:

Все видно мне, все звуки мне слышны:
Шум трактора за Балачанкой,
И мельница, что крыта дракой,
И пеньев девчат из Березанки,
И несбо — слышно окно голубизны.

Может быть, всего сильнее выражена любовь поэта к обновленной родной земле в лирическом отступлении поэмы «Хата рыбака» — все о том же Устье. «Хата рыбака» — поэма о судьбе малоземельного крестьянина Даниила из Западной Белоруссии, о его беспросветной жизни под гнетом польских панов. Казалось бы, нет прямого повода радоваться Устью в поэме, написанной о далекой уже для этих мест темной, душевной действительности. Но поэт находит его:

Хочу я повернуться к свету,
В иное взглянуть око,
Хочу влиться я в ткань сюжета
Веселых красок волокон.

Аркадий КУЛЕШОВ

Международные отклики

ПРИЗНАНИЕ БАНКРОТСТВА

В ожидании вступления на пост нового президента Соединенных Штатов американская печать оживленно комментирует проблемы внешней политики Вашингтона. Основное в этих комментариях — требование перемены, ибо тот факт, что трумэнский внешнеполитический курс зашел в тупик, не могут ныне отрицать даже реакционные газеты.

10 ноября подал свой голос за ревизию американской внешней политики и обозреватель газеты «Нью-Йорк геральд трибун» небезизвестный Уолтер Липман. Считая неизбежным «пересмотр мер и даже некоторых линий политики» в Европе и Азии, Липман поспешно добавляет: «Это произойдет не потому, что правительство Эйзенхауэра имеет совсем другие принципы, чем правительство Трумана, а потому, что изменилось положение в мире».

Какие же изменения, прошедшие в мире, настолько взволновали видного буржуазного публициста, что он решил ударить в набат? Он отвечает на это сам. Рост напряженности внутри империалистического лагеря, обострение противоречий между Соединенными Штатами и их партнерами по Атлантическому и другим агрессивным блокам, рост антиамериканских настроений, стремление некоторых буржуазных кругов ряда стран остаться в стороне от затеваемых Вашингтоном военных авантур.

Липман не находит ни слова осуждения для агрессивных действий американского империализма в Европе или Азии. Упаси бог! Единственная цель, которую он преследует, — это привлечь внимание своих читателей на плачевные последствия политики, навязанной Вашингтоном своим союзникам. Уолтер Липман чувствует, что эта политика не доведет американских империалистов до добра. И он призывает изменить ее, пока дело не кончилось изменой самих сателлитов Атлантическому блоку.

«Основной факт заключается в том, — пишет Липман, — что главные страны, входящие во всемирную систему союзов, сколачиваемую империалистами, «не могут выполнять полностью свои обязательства». Ему приходится признать, что гонка вооружений и участие в военных действиях в Азии уже поставили Англию и Францию в «чрезвычайно затруднительное положение». Правительства Франции не могут выполнять свои обязательства по Атлантическому пакту и в то же время «поддерживать во Франции приемлемый для французского народа уровень жизни». Англия также «не может поддерживать даже тот очень невысокий и скромный уровень жизни, который существует в настоящее время», реализовав «полностью программу перевооружения и выполнить свои военные обязательства».

Такая же судьба ожидает Западную Германию и Японию, которых Вашингтон толкает на путь разнузданной гонки вооружений.

Особенную опасность для американских планов Липман видит в растущем противоречии между желаниями народов и обещаниями и политикой правительства, послушного Вашингтону. «Существует противоречие между тем, что эти народы могут и хотят сделать, и тем, что обещали сделать их правительства...» — признает он. Страх перед ростом сопротивления масс и усиливающейся «непопулярностью» американского руководства — пропитывает статью Липмана; этот страх диктует ему и ту проповедь необходимости перемены, с которой он выступает на страницах «Нью-Йорк геральд трибун».

Какого «пересмотра» американской внешней политики хочет Липман, из статьи не видно. Автор, по всей вероятности, считает, что само требование перемены в условиях военного психоза, парящего по океану, с его стороны уже немалый подвиг. Как бы заранее отводя от себя обвинения в «антиамериканизме», Липман пишет, что поднятый им вопрос «сложен, сильно всего затрагивает, может породить истерию и оказаться извращенным». Велика должна быть тревога, вызванная провалами американской внешней политики, если Липман — один из псаломцев агрессивной политики Вашингтона — вынужден публично молить о необходимости ее пересмотра...

ЛИТЕРАТОР

Кто же нас вывел к просторам богатым? Кто нас до солнца поднял? Под большевистским флагом крылатым Сталин народы собрал. Сеет он, сеятель, мир и свободу, Чьоб зашатала земля. Славься и здравствуй долгие годы, Сердце страны и Кремля!

Борьба за счастье трудящихся — основная тема в творчестве Коласа. Готовность советских людей отстаивать завоевания Октября от полых фашистских захватчиков, советский патриотизм, морально-политическое единство народа лежат в основе произведений Я. Коласа — «Суд в лесу», «Опшата», написанных в годы Великой Отечественной войны.

В Институте мировой литературы имени А. М. Горького

Обсуждению актуальных вопросов литературоведения в свете генерального труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и решений XIX съезда партии было посвящено двухдневное расширенное заседание ученого совета Института мировой литературы имени А. М. Горького. С докладом выступил кандидат филологических наук Н. Онуфриев.

Докладчик говорил о большом внимании, которое XIX съезд партии уделил вопросам литературы, о первоочередных задачах советского литературоведения и критики. Подробно рассказал о важнейших проблемах марксистско-ленинской эстетики, выдвинутых в докладе товарища Г. М. Маленкова и имеющих огромное значение для дальнейшего развития литературы социалистического реализма, докладчик остановился на недостатках ряда исследований и статей по вопросам истории и теории литературы. В докладе были затронуты также вопросы развития сатиры, проблема конфликта в советской драматургии, задачи советских литературоведов в борьбе с растленной буржуазной литературой.

В прениях приняли участие доктор филологических наук Д. Благой, Б. Бурсов, Л. Тимофеев, Б. Бялик, проф. М. Храпченко и другие.

Ученый совет отметил, что состояние теоретической работы в институте не соответствует его актуальным задачам и намечены меры для подтяжки теоретического уровня литературоведческих исследований. Проведено целесообразным провести совместно с Союзом советских писателей СССР дискуссии по теории литературы, прежде всего по проблеме типичности в художественной литературе. План научно-исследовательской работы института на 1953 год решено пересмотреть. При институте будет создан сектор эстетики и теории литературы.

„Учимся у Советского Союза“

КНИГИ СОВЕТСКИХ СТАХАНОВЦЕВ ЗА РУБЕЖОМ

Отличного качества, Л. Корабельниковой «Наш опыт комплексной экономики». Румынские каменики изучают стахановский метод кирпичной кладки по книгам И. Ширкова и В. Мальцева. Богатый опыт, накопленный советскими колхозниками, помогает румынским крестьянам выйти на единственно верный путь культурной и жилищной жизни. Вот почему так велик интерес в Румынии к книгам Ф. Войко «Первый зерношеница» и М. Озерного «Мой опыт выращивания высоких урожаев кукурузы». М. Тарковского «Как получить высокий урожай сена многолетних и однолетних трав», М. Артемова «Как мы повысили плодородие почвы», Ф. Бурмистрова и др. «Колхоз высоких урожаев».

Среди книг об опыте стахановцев, изданных в последние месяцы в Венгерской Народной Республике, видное место занимает книга Г. Пруденского «За научное обогащение и распространение стахановских методов труда» и брошюры, рассказывающие о

комплексной автоматизации на угольных шахтах, об опыте полководческих бригад в колхозах и успехах доярков-пятидесятчиц.

Огромную пользу извлекают для себя из книг советских стахановцев трудящиеся Китайской Народной Республики, Польши, Болгарии, Албании, Германской Демократической Республики. В Польше, где ныне на каждого жителя республики ежедневно выходит по пяти экземпляров книг, в то время как до установления в стране народно-демократического строя издавалась всего одна книга за два года, брошюры и книги советских новаторов получили особенно широкое распространение. Там, например, почти все каменики изучили брошюру о поточном методе кладки кирпича по системе советского стахановца Максименко.

Только за девять месяцев текущего года издательства стран народной демократии перевели и выпустили в свет свыше тысячи различных книг советских авторов по вопросам производства, науки и техники. Это в четыре раза больше, чем за тот же период 1950 года. В перепалани книг об опыте наших стахановцев в Китайской Народной Республике участвовало свыше ста издательств. Трудящиеся стран народной демократии широко пользуются великим опытом советского народа.

ГО МО-ЖО Октябрьские впечатления

Ниче мы публикуем стихи выдающегося китайского писателя и ученого, общественного и государственного деятеля Чжэня Го Мо-жо. «Октябрьские впечатления» были написаны Го Мо-жо в 1947 году в связи с XXX годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. На русский язык стихотворение переводится впервые.

Тех, кто войною Торговать хотят И атомом, И долларом грозят, Тех черных дьяволов Настинет гибель — Ворота настель Из откост ад.

Гром Октября Грешит десятка лет, И, словно символ Мировых побед, Над боинами Кремлевскими сияет Багряных звезд Нагрясаемый сест.

Великие Настали времена — Здесь гьма веков Навек побеждена, И к человечеству Идет отсюда Свободы И гуманности весна.

Еще давно, Когда в Москве я был, То, словно в лодке, По простору плыл И к дереву священному Причалл, — Тогда я зрячим стал И полным сил.

Перевел с китайского А. ГИТОВИЧ

На левом берегу

На левобережной площадке строительства Кубышевской гидростанции героически трудятся работники глубоководного водостроения. Здесь, на левом берегу, уже осуществлено котлованное дно судоходного шлюза. Водный бассейн котлована заметно обмелел. С каждым днем все больше обнажаются черные корни береговых деревьев, находившиеся прежде под водой. Площадь осушенного дна глубокой волжской протоки, перегороженной в этом месте песчаной перемычкой, становится все просторнее.

Осушение котлована зависит не только от поверхностного водостроения, осуществляемого с помощью обычных средств гидромеханизации. Наиболее ответственную часть задачи должна быть решена с помощью глубоководного водостроения, то есть понижения уровня грунтовых вод.

Водоупонением на левом берегу занят коллектив участка Д. Зайцева. Главный инженер этого участка Н. Орлов рассказывает, что в котловане нижнего шлюза уже действует около сотни глубинных скважин. Мощные электрические насосы ежесуточно выкачивают через эти скважины около 150 тысяч кубометров воды — вдвое больше, чем выкачивалось из котлована Цимлянского гидроузла.

На двести с лишним процентов выполняется свои планы участки. И все же в левобережном районе гидротехнических сооружений и то и дело слышны от него жалобы... Жалуется инженер, которым поручены бетонные работы; жалуются экскаваторщики, ожидающие дня, когда можно будет, наконец, приступить к окончательной расчистке котлована; жалуются водители самосвалов, которым не терпится поехать на укладочную площадку первые кубометры бетона.

И водопонижение, продолжая усиливать темпы водостроения, бурят все новые и новые скважины. Бурят не с вышек, как обычно, а с реконструированного крана «Воронеж», снабженного 26-метровой стрелой. Кран легко и быстро поднимает и опускает колонну труб в 20—22 метра. Этот оригинальный способ бурения, применяемый на Кубышевском водостроении, дал возможность буровикам достичь скорости проходки скважин до 13 метров в час.

Первые двадцать тысяч кубометров бетона в основание шлюза надо уложить уже в текущем месяце — в ноябре. Нижний шлюз — сложное гидротехническое сооружение длиной в 350 метров. Он, как и все другие объекты гидроузла, должен быть закончен к весне 1955 года. С открытием навигации 1955 года через него пойдет волжский флот и ст.

Строители живут не только сегодняшним, но и завтрашним днем. В основание шлюза не уложено еще ни кубометра бетона, а для обслуживания шлюза, да и для других объектов великой волжской гидроэлектростанции уже второй год здесь же, на стройке, готовится квалифицированные кадры эксплуатационников. В прошлом году в вечерней гидротехнической техникуме Кубышевского водостроения занималось 178 человек, а нынче — вдвое больше. Новички-студенты — это главным образом молодежь, приехавшая в Жигули со всех концов страны мигрирующим лемом.

Берем из списка первую попавшуюся на глаза фамилию — Тамара Одиноква, учащаяся третьего курса. В Тамбове она окончила десять классов средней школы. А в июле этого года, прочитав в газете о приеме учащихся в Ставропольский вечерний гидротехнический техникум, решила, наконец, осуществить свою давнюю мечту — стать участником великой стройки коммунизма.

Тамара Одиноква не сомневалась, что будет принята в техникум. Но ее волновала мысль: найдется ли для нее на стройке дело. Ведь пока у нее, восемнадцатилетней девушки, нет никакой специальности. А если не будет работы, то как она станет жить и учиться? Тамара Одиноква хорошо знала, что в вечерних техникумах студенты учащаются от производства и стипендий не получают.

Но тревога ее оказалась напрасной. В отделе подготовки кадров предупредили, что в техникум могут поступить люди, еще не связанные со стройкой, молодые люди без специальности. Были приняты меры, чтобы студенты не остались без дела, получили постоянный заработок и могли спокойно продолжать учебу. Тотчас же после зачисления в техникум Тамара Одиноква была принята на трехмесячные курсы нормировщика. Подобно ей на эти и другие краткосрочные дневные курсы поступили десятки других учащихся вечерней средней школы взрослых и вечернего техникума. Всем им были назначены стипендии и предоставлены места в общежитии.

В тот день, когда мы были в котловане нижнего шлюза и главный инженер участка водопонижения Н. Орлов давал указания о заказе новой глубинной скважины, старший инженер отдела труда и зарплаты Управления строительства Кубышевской гидростанции И. Химич вместе с начальником отдела подготовки кадров П. Цыгановым решили, кого из студентов техникума, только что окончивших различные трехмесячные курсы, послать на правый берег, кого — на левый. Список был длинный — 48 человек. И в числе этих людей была и Тамара Одиноква — в самом ближайшем будущем кормилица левобережной строительной площадки.

Павел Александрович Алексеев, участковый фельдшер, собирается в свой обычный путь. Ему предстоит навестить с полвторым обходом два дальних села. Положив велосипед, он «колдует» над ним, что-то подвораживает гаечным ключом. Мускулистые руки его проворно перебирают шпильки.

— Мое оружие производства, — весело подмигивает Алексеев, показывая на велосипед. И это действительно так.

После войны на фельдшерском участке стало законом подтирать вакциниацию от дифтерии всех детей с шестимесячного до школьного возраста. И вот, невзирая на осеннюю грязь и осеннюю распутицу, с прищипочным материалом в сумке отправляется фельдшер с своим маленьким пациентом. Велосипед его видят в Зерново и Ефимьево, в Рубцове и Высотке. Заодно в каждом селе фельдшер осматривает малышей, запоминая специальную тетрадь — историю развития ребенка. Такое наблюдение уже не раз помогало ему выявить заболевших, не ходивших, пока родители привезут больного на фельдшерский пункт. Проводный по строгому графику патронаж резко снизил смертность среди детей, а по некоторым болезням и вовсе ее искоренил. Да и вакцинация принесла уже свои результаты. С 1946 года на участке не было ни одного случая дифтерии. Три года нет уже скарлатины, чрезвычайно редка в селе корь.

Алексеев протирает трипачкой руль велосипеда и везло, точно живое существо, похлопывает машину по раме. Этот жест заставляет вспомнить отрывок разговора, слышанный накануне в сельском Совете. Старый колхозник, которого все в округе зовут попросту дедом Флегмонтом, рассказывал кому-то, дымя самокурткой.

— Старый-то фельдшер, что жил здесь до первой войны, в кои веки куда-нибудь выведет. И не то, чтобы он плохой человек, нет, только не завезено это было, чтобы фельдшер в мужику катил. А наш Алексеев, как ни глянешь, сам на велосипед, сумку через плечо и пошел. Куда, спросишь, Павел Александрович? А в Сорочинье, у Сусловых сынишка Слава заболел. Ночь на дворе, дождь собирается, а он в Сорочинье за семь верст поехал. Нельзя, значит, до утра ждать, мало ли что случиться может. Вот она, какая перемена вышла с этой специальностью...

Да, немалая перемена произошла в профессии участкового фельдшера за последние десятилетия. Патронаж и вакцинация — только часть тех новых обязанностей, которые советское здравоохранение возложило на фельдшера. Особые обязательства у него перед инвальдами Отечественной войны. Кое-кто из них нуждается еще в перевязках, лекарствах. Не проходит месяца, чтобы Алексеев не навещал таких на дому. На особом попечении Алексеева находятся школьники. Его часто можно видеть в школах на медицинском осмотре, на уроке физкультуры.

Насколько разнообразны дела участкового фельдшера, настолько различны и пути их осуществления. Весной нынешнего года сессия Ватлинского сельсовета обсуждала вопрос о состоянии колхозных колодезь. С цифрами и фактами в руках депутат сельского Совета фельдшер Алексеев доказал, что многие из них нуждаются в расчистке и новых срубках. Сессия поддержала требования депутата и утвердила ассигнование на ремонт питьевых источников.

Впрочем, далеко не все удается Алексееву так легко. Преподатель крупнейшего в районе колхоза «Красное знамя» Кундин напротв отказался расширять старую или строить новую колхозную баню. На бли-

Марк ПОПОВСКИЙ СЕЛЬСКИЙ ФЕЛЬДШЕР И ЕГО ЗАПРОСЫ

МЕДИЦИНА ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНАЯ

Павел Александрович Алексеев, участковый фельдшер, собирается в свой обычный путь. Ему предстоит навестить с полвторым обходом два дальних села. Положив велосипед, он «колдует» над ним, что-то подвораживает гаечным ключом. Мускулистые руки его проворно перебирают шпильки.

— Мое оружие производства, — весело подмигивает Алексеев, показывая на велосипед. И это действительно так.

После войны на фельдшерском участке стало законом подтирать вакциниацию от дифтерии всех детей с шестимесячного до школьного возраста. И вот, невзирая на осеннюю грязь и осеннюю распутицу, с прищипочным материалом в сумке отправляется фельдшер с своим маленьким пациентом. Велосипед его видят в Зерново и Ефимьево, в Рубцове и Высотке. Заодно в каждом селе фельдшер осматривает малышей, запоминая специальную тетрадь — историю развития ребенка. Такое наблюдение уже не раз помогало ему выявить заболевших, не ходивших, пока родители привезут больного на фельдшерский пункт. Проводный по строгому графику патронаж резко снизил смертность среди детей, а по некоторым болезням и вовсе ее искоренил. Да и вакцинация принесла уже свои результаты. С 1946 года на участке не было ни одного случая дифтерии. Три года нет уже скарлатины, чрезвычайно редка в селе корь.

Алексеев протирает трипачкой руль велосипеда и везло, точно живое существо, похлопывает машину по раме. Этот жест заставляет вспомнить отрывок разговора, слышанный накануне в сельском Совете. Старый колхозник, которого все в округе зовут попросту дедом Флегмонтом, рассказывал кому-то, дымя самокурткой.

— Старый-то фельдшер, что жил здесь до первой войны, в кои веки куда-нибудь выведет. И не то, чтобы он плохой человек, нет, только не завезено это было, чтобы фельдшер в мужику катил. А наш Алексеев, как ни глянешь, сам на велосипед, сумку через плечо и пошел. Куда, спросишь, Павел Александрович? А в Сорочинье, у Сусловых сынишка Слава заболел. Ночь на дворе, дождь собирается, а он в Сорочинье за семь верст поехал. Нельзя, значит, до утра ждать, мало ли что случиться может. Вот она, какая перемена вышла с этой специальностью...

Да, немалая перемена произошла в профессии участкового фельдшера за последние десятилетия. Патронаж и вакцинация — только часть тех новых обязанностей, которые советское здравоохранение возложило на фельдшера. Особые обязательства у него перед инвальдами Отечественной войны. Кое-кто из них нуждается еще в перевязках, лекарствах. Не проходит месяца, чтобы Алексеев не навещал таких на дому. На особом попечении Алексеева находятся школьники. Его часто можно видеть в школах на медицинском осмотре, на уроке физкультуры.

Насколько разнообразны дела участкового фельдшера, настолько различны и пути их осуществления. Весной нынешнего года сессия Ватлинского сельсовета обсуждала вопрос о состоянии колхозных колодезь. С цифрами и фактами в руках депутат сельского Совета фельдшер Алексеев доказал, что многие из них нуждаются в расчистке и новых срубках. Сессия поддержала требования депутата и утвердила ассигнование на ремонт питьевых источников.

Впрочем, далеко не все удается Алексееву так легко. Преподатель крупнейшего в районе колхоза «Красное знамя» Кундин напротв отказался расширять старую или строить новую колхозную баню. На бли-

НЕЗРИМЫЙ КОРДОН

Ранним утром Алексеев получил из Рогозина записку. Ее занесли по дороге в школу ученики. «Павел Александрович! — писал рогозинский санитарный уполномоченный, пожимая колодезьную Кутину. — Трактористы амтасовские — то ли нечаянно, то ли нет — поломали тракторами сруб общественного колодезя. А потом еще заехали в него поганым ведром. И пока колодезь закрывал, ведро брать не даю, но хозяйки ругаются. Презжайте скорее, разберитесь!»

Едва закончив прием на медпункте, фельдшер отправился в Рогозино. Случай был обычный, будничней, и все же записка порадовала Алексеева. Она была, пусть небольшим, а все же хорошим показателем той работы, которую молодой фельдшер вот уже шесть лет вел на своем участке. Двадцать семь населенных пунктов, разбросанных вокруг на пятнадцать километров, — это немалое хозяйство. Условно жизни двух с половиной тысяч мужчин, женщин и детей, их здоровье, пища, здоровье — за всем этим обязан наблюдать участковый фельдшер. Нелегко уследить за каждым селом, каждым домом. И хотя не проходит дня, чтобы Павел Александрович не побывал с полвторым обходом в одном-двух колхозах, трудно ему пришлось бы, если бы не созданный им актив — общественные санитарные уполномоченные.

Общественные доверенные одессчан, колхозники, учителя, домашние хозяйки сообщают фельдшеру о внезапно заболевших, о случаях загрязнения жилищ, улиц. Колхозница отправляется за несколько километров, чтобы известить фельдшера о случае дизентерии. Такова эта скромная и славная служба — свидетельство возросшей культуры села и подлинного доверия, которым окружен медик в колхозной деревне.

Но не только это радует фельдшера Алексеева. Ему давно известно: основным предиктором советского здравоохранения является профилактика, предупреждение болезней. А добросовестная работа общественных санитарных уполномоченных — это еще одно звено в том великом невидимом кордоне, которым советская медицина ограждает здоровье наших людей. Вместе с массовым оздоровлением условий труда, прививками против инфекционных болезней, широкими гигиеническими мероприятиями, вместе с сетью врачебных участков и фельдшерских пунктов этой цепи служат и санитарные уполномоченные.

Едва закончив дело, которое привело его в Рогозино (трактористы извлеклись за учиненный беспорядок и обязались в

ФЕЛЬДШЕР ХОЧЕТ УЧИТЬСЯ

Старший фронтовой товарищ Алексеев, бывший фельдшер Анатолий Сидоров, ныне студент Ивановского медицинского института, в каждом письме приглашает Павла Александровича сдавать экзамены в вуз, учиться на врача. Добрый совет! И Алексеев не оставляет надежды воспользоваться им в самом скором времени. В этом нет ничего невозможного. В одном только нынешнем году десять фельдшеров из Вологодской области поступили в высшие учебные заведения Ленинграда, Архангельска, Ярославля.

Но пока другое беспокоит Алексеева. Вот уже шесть лет работает он на участке, работает с интересом, с увлечением. Но за шесть лет ни разу не пригласили его в районную или областную больницу для повышения квалификации. То же самое происходит и с другими фельдшерами из сельских конференций, а фельдшеры из года в год предоставлены самим себе. А ведь многие окончили школу десятилетнюю лет назад.

Если послушать заведующего Вологодским областным отделом здравоохранения тов. Горшкова, то дело о повышении квалификации фельдшеров обстоит не так уж плохо. Ежегодно 250—260 медиков со средним образованием получают возможность обновить и углубить свои знания под руководством врачей-специалистов.

— Каждый двадцатый, — не без гордости произносит тов. Горшков.

— Каждый двадцатый? Но ведь это значит, что фельдшер может надеяться попасть в группу повышения квалификации лишь раз в двадцать лет. Не слишком ли редко? А как быть тем, до кого очередь дойдет лишь через два десятилетия?

Правда, существует порядок, по которому раз в месяц фельдшеры должны собираться в участковой больнице на так называемые курсы совещания. Здесь полагается читать специальные доклады, наблюдать в больнице больных. Но даже эти весьма скромные по своим задачам совещания далеко не все проходят так, чтобы действительно заинтересовать и научить чему-нибудь участковых фельдшеров. За последние время курсы совещания в Покоской больнице превратились в скучную повинность, которую каждые 27-е число обязаны отбывать средние медицинские работники. Участковый врач ни разу не рассказывал фельдшером о принципах павловского учения, о трудах профессора Лешинской, о замечательных успехах советской медицины, о новых лекарственных веществах.

— Единственный источник, откуда мы узнаем о событиях научной и медицинской жизни, — газета «Медицинский работник», но и ее нет на каждом фельдшерском пункте, — говорит Алексеев.

Нет и журнала «Фельдшер и акушерка». В 1952 году на весь Вологодский район, где имеется более двух десятков фельдшерских пунктов, было выделено всего три экземпляра журнала.

На книжной полке Павла Александровича среди художественной и политической литературы стоят толстые медицинские учебники. Фельдшер получил их в областной медицинской библиотеке. Через месяц он зашел в город, вернул книги и получил другое. Но как быть тем, кто живет далеко от областного центра? Существует так называемый заочный абонемент с пересылкой заказанных книг по почте. Такой порядок

ПОСЛЕ РАБОТЫ

В феврале этого года вологодская газета «Брасный Север» сообщила об областном шахматном турнире. Одно из первых мест занял фельдшер П. А. Алексеев. Пожалуй, больше всех успехов молодого спортсмена порадовались члены сельского шахматного кружка, где годичными зиними вечерами изучались дебюты и эндшпиль. Немало интересных партий сыграл Алексеев с бригадиром Григорьевым, учителем Николаевым и другими и, только победив противников, заслужил право участвовать в областном состязании.

Шахматы — не единственное увлечение фельдшера. Его рукой написано большинство плакатов в избирательные, многие заголовки школьных стенок газет. Он — один из организаторов колхозных выходов в областную театральную труппу. В окрестных колхозах любит лекции члена-соревнователя Всесоюзного общества по распространению политической и научных знаний фельдшера Алексеева. Особенным успехом подается лекция о проблемах продления человеческой жизни.

Идет ли речь о создании молодежного драматического кружка или попросит его почитать газету колхозницы-кружевницы, — Павел Александрович готов организовать, читать, разъяснять.

А еще хорошо достать в избирательные новую книгу и, если ничего не мешает, читать ее до глубокой ночи. «Настоящим» книгам, хоть и немало их перечитано, ведется особый учет. За последнее время это — «Тиль Уленшпигель», «Жатва», «Далеко от Москвы», «Ночь полководца». При воспоминании о «настоящей» книге Павел Александрович мечтательно улыбается — большое богатство!

Фельдшер в деревне...

В деревню лия это звучало почти нарицательно — «фершал». Иронически его, и невольно приходит на память фельдшера из рассказов Чехова, Успенского. Получившие, безграмотные люди, давно забывшие в своей глуши то, чему их когда-то учили. Лучшие из них пыталось ремесленно врачевать, другие спивались, дичали. Как далеко все это от наших дней!

Алексеев — образованный, знающий свое дело медик, верный помощник врача. Это с немалым трудом и тысячами товарищей общается с частью директив XIX съезда партии, которая призывает советскую медицину в новую пятилетку зорче охранять здоровье советских людей, крепить профилактику, предупреждать и у самых истоков пресекать болезни.

Секрет ШЕЛЫГИНО, Вологодской области

Команда земснаряда № 501 первой дошла до границы котлована у Волги. Остальные

Закончив работу — всегда самые трудные. А в Сталинград уже пришла осень. На Волге — штормы.

И все-таки именно в эти дни гидромеханизаторы добились небывалой выработки. Сказываются опыт, накопленный не только на Волго-Доне, но и здесь, на строительстве Сталинградской ГЭС. Летом экипаж мощного земснаряда № 1005 упорно боролся за выполнение нормы в 12.500 кубометров за смену. Нормальная работа мешало быстрое течение Волги. На строительстве Цимлянского гидроузла такого течения не было. Смена батермейстера А. Блохина, И. Есаулова, С. Бондаря упорно искали выход. И нашли! Оказалось, что на глубине 10—12 метров течение гораздо спокойнее. Разрабатывать забой начали на большой глубине. И сколько радости принесло всем строителям известие о том, что смена А. Блохина вынула 13 тысяч кубометров грунта.

Теперь и эта выработка значительно превзойдена. В последние дни та же смена А. Блохина намывает 25—27 тысяч кубометров грунта, первополытия задания больше чем вдвое.

Н. БОРИСОВ, корр. «Литературной газеты» КУБЫШЕВГИДРОСТРОЙ

Гидромеханизаторы Сталинградской ГЭС

Меньше года назад строители Сталинградской ГЭС только приняли в свою семью первых гидромеханизаторов — экипаж первого земснаряда № 321. В суровую зиму начал он прокладывать шестикилометровый водный путь от Волги к Ахтубе через остров Зеленый.

Совсем недавно по этому каналу прошел недавно прибывший из Цимлы земснаряд № 509 производительностью пятисот кубометров в час. Это был девятый по счету земснаряд на строительстве Сталинградской ГЭС. Он уже вступил в строй и намыл первую тысячу кубометров грунта в основание плотины на Ахтубе.

Гидромеханизаторы стали сейчас на стройке решающей силой. Они трудятся на важнейших участках: выкапывают грунт из котлована под здание электростанции, намывают перемычку на полуострове Песчаном, роют второй рукав Волго-Ахтубинского канала. От их успехов во многом зависит выполнение плана стройки. Экипажи земснарядов, возглавляемые бывшими строителями Волго-Дона Г. Боша, Л. Вадюмом, Г. Дебиным и другими, успешно справляются с порученным делом. Гидромеханизаторы намыли уже свыше 14 миллионов кубометров грунта. Задание четвертого квартала к 10 ноября выполнено на пятьдесят процентов.

Закончив работу — всегда самые трудные. А в Сталинград уже пришла осень. На Волге — штормы.

И все-таки именно в эти дни гидромеханизаторы добились небывалой выработки. Сказываются опыт, накопленный не только на Волго-Доне, но и здесь, на строительстве Сталинградской ГЭС. Летом экипаж мощного земснаряда № 1005 упорно боролся за выполнение нормы в 12.500 кубометров за смену. Нормальная работа мешало быстрое течение Волги. На строительстве Цимлянского гидроузла такого течения не было. Смена батермейстера А. Блохина, И. Есаулова, С. Бондаря упорно искали выход. И нашли! Оказалось, что на глубине 10—12 метров течение гораздо спокойнее. Разрабатывать забой начали на большой глубине. И сколько радости принесло всем строителям известие о том, что смена А. Блохина вынула 13 тысяч кубометров грунта.

Теперь и эта выработка значительно превзойдена. В последние дни та же смена А. Блохина намывает 25—27 тысяч кубометров грунта, первополытия задания больше чем вдвое.

А ШЕИНИН, корр. «Литературной газеты» СТАЛИНГРАДГИДРОСТРОЙ

Книга по истории советской литературы

Дать цельное и ясное представление о путях развития русской советской литературы, о ее свойствах, достижениях, традициях — такую цель поставила перед собой авторка недавно вышедшей книги «Русская советская литература» А. Дементьев, Е. Наумов, Л. Плоткин. Они взяли на себя труд большой, почетный и ответственный, положили немало усилий, чтобы создать книгу, популярно рассказывающую о богатейшем опыте развития нашей литературы. Адресована этот труд учителям — это пособие для преподавателей литературы старших классов средней школы. Думается, однако, что точнее было бы назвать ее пособием для учащихся десятых классов: характер книги, отбор анализируемых произведений больше соответствует именно такому ее назначению. Но, несомненно, круг читателей этой книги будет более широким. С пользой для себя прочтут ее люди самых разных профессий.

Достоинства книги бесспорны. Прежде всего — это большая любовь к родной литературе, ясность позиций и оценок. Привлекает широта охвата разнообразного историко-литературного материала. В книге речь идет и о главных качественных особенностях литературы социалистического общества, и о традициях, которые восприняты ею от прошлого. Здесь дается представление о непрерывном идейном и творческом росте нашей литературы — от первых лет советского государства до современности, эпохи строительства коммунизма. Картина развития литературы по отдельным историческим этапам дополняется в главах монографических, в которых дается обзор творческого пути Горького и Маяковского, Шолохова и Толстого, Фадеева и Твардовского и других выдающихся художников слова эпохи социализма.

В ряду достоинств книги особенно хочется выделить внимательное, бережное отношение к классическим высказываниям вождя революции, документов партии в области литературы, позволяющее авторам книги рассматривать литературную политику нашей партии в неразрывном единстве с общим развитием искусства. Такой подход помогает с наибольшей убедительностью вскрыть действительный характер влияния партии на литературу, и это выгодно отличает рецензируемое пособие от встречающихся еще, к сожалению, работ, авторы которых ограничивают свою задачу простым изложением и общим комментированием партийных документов.

Необходимо также отметить обращение авторов к вопросам языка произведений советских писателей. А. Дементьев, Е. Наумов, Л. Плоткин привлекают интересный, порой новый материал, касающийся борьбы за общенародный язык художественных произведений, против враждебных тенденций, против засорения языка.

Большое положительное значение имеет также стремление включать в круг анализа отдельные произведения братских литератур.

«Русская советская литература» — труд коллективный, и не только потому, что книгу создавали три автора, а главным образом потому, что в ней суммированы некоторые главные итоги, добытые опытом нашей преподавательской, литературно-критической и литературно-исследовательской работы. Тем самым по этой книге можно судить как о сильных, так и о слабых сторонах нашей общей работы. И поэтому же в интересах дела стоит отметить очевидные и значительные достоинства книги А. Дементьева, Е. Наумова, Л. Плоткина, говорить наиболее подробно о ее недостатках.

Первый и самый существенный изъян нашей литературно-критической работы — это слабое, приблизительное знание жизни, недостаточное умение раскрыть взаимосвязь литературы и действительности. Этим страдает и книга «Русская советская литература».

На первый взгляд, авторы как будто нигде не забывают об определяющей роли самой жизни, реальной борьбы народа за социалистическое преобразование действительности. Характеристика каждого периода развития литературы предпринимается кратко изложением основных событий того

времени. Есть подобные указания и в монографических главах. Но все эти ссылки на действительность остаются лишь суммарным изложением условий, а настоящая глубокая, действенная, многогранная связь литературы с жизнью остается вне поля зрения авторов, что неизбежно отражается на результатах анализа.

Сказались этот недостаток и в главе о родоначальнике литературы социалистического реализма. Правда, и здесь не раз говорится в общих словах об исторической обстановке, в которой протекала деятельность Горького. Но когда речь заходит о конкретных произведениях писателя, о мотивах и образах его творчества, о логике развития художника, то о жизни, действительности авторы как бы забывают, а потому их анализ творчества порой сбивается на пересказ содержания произведений, порой касается второстепенных, а не главных моментов. Неоднократно авторы подчеркивают величие Горького как писателя самого революционного класса — пролетариата, но они не сумели убедительно показать, как творческие достижения Горького связаны с конкретными этапами борьбы пролетариата за социалистическую революцию. «Писатель обращается к анализу жизни разных классов и социальных слоев русского общества», — справедливо отмечает автор, характеризую творчество писателя накануне 1905 г., но, к сожалению, не связывает эту применительно к особенностям горьковского дарования а Ленинской трактовкой объективной роли пролетариата как гегемона исторического процесса, ответственного за все состояние общества. Тот же недостаток — разрыв связи с конкретными жизненными условиями — находим мы и в характеристике послереволюционного творчества Горького. Этот период определяется в книге так:

«Творчество Горького после революции носит поэтому особенно глубокий, обобщающий характер. Обращаясь в «Деле Артамоновых», «Жизни Климма Самгина», «Егоре Булычове» к основным темам и образам своего творчества, Горький как бы завершает их, подводит их итог». Воляно или невольна авторы припадают здесь к распространенной в горьковедении ложной тенденции, согласно которой считается, что Горький советского времени якобы ничего нового не создавал, а лишь продолжал и

завершал темы и образы, поставленные им в ранних произведениях.

Но ведь Горький не только «завершал», «подводил» итог темам и образам всего своего творчества, а создавал произведения глубоко современные, открыто связанные с политикой первого в мире государственного трудящихся. Огромная, поистине титаническая деятельность товарища Сталина, отстаивавшего ленинизм от врагов революции, отстаивавшего идею возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране, получала поддержку в творчестве Горького, посвятившего все свое дарование раскрытию глубочайших закономерностей исторического процесса, утверждению победы народа над аслуплатогами. Это единство позиций вождя революции и первого художника революции в обстановке ожесточенной борьбы тех лет и было основанием той глубокой, взаимосвязанной дружбы, которая связывала Сталина и Горького.

Расматривая революционные творчество Горького как «завершение», «итог» всего предшествующего развития писателя, авторы несомненно упростили идейно-художественный смысл произведений Горького советских лет. В анализе «Дела Артамоновых» на первый план у них вытупил мотив роковой обреченности «дела», «бездельности усилий» поколений капиталистов. Затупеванным и отвлеченным на второй план оказалась очень существенный для романа момент — изображением непрерывно изменяющихся, все более остро-противоречивых отношений между хозяевами «дела» и рабочими. Именно характер этих отношений и предопределял исход «дела» — крушение Артамоновых, а вовсе не сам по себе внутренний распад рода в силу «роковых» обстоятельств.

Хотя в книге не раз идет речь о горьковской традиции, однако в главе о Горьком и особенно там, где говорится о послереволюционном периоде его жизни, авторы не сумели глубоко раскрыть связь творчества Горького с общим процессом формирования советской литературы. А ведь нельзя, например, пройти мимо такого примечательного факта: горьковское разоблачение буржуазного индивидуализма, разоблачение мнимых духовных ценностей собственностиского строя («Жизни Климма Самгина») очень скоро стало общим делом для всех передовых советских писателей. И поэтому, что тут сказано пресловутое литературное влияние или заимствование, а в силу жизненной значимости самой темы для писателей, призванных выразить и поточичски утвердить великую правду нового времени, представляется также большой

интерес и значение Горького и оптическому повествованию, к широкому общению непрерывно изменяющейся, находящейся в движении действительности, причем писатель смело использует, включает в произведение реальные факты, подлинные биографии людей. И опять-таки эта черта остается быть характерной особенностью только горьковского творчества и уже в 20-х годах становится достоянием других советских писателей.

Б. Соколов, А. Дементьев, Е. Наумов и Л. Плоткин не пренебрегли конкретным сравнительным анализом, в результате чего глава о Горьком оказалась обособленной от материала о творчестве других советских писателей.

Обще, схематично говорят авторы о деятельности писателя в главах, посвященных характеристике литературы того или иного периода. Это мешает по-настоящему раскрыть закономерности литературного процесса, заставляет порой авторов идти по пути простого перечисления фактов, сопровождаемых краткими комментариями и оценками, а в иных случаях кое в чем упускать.

Возьмем для примера главу о литературе периода восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства. Здесь, как и всюду, характеристика действительности дана в форме краткого — на одну страницу — введения, а в последующем изложении материала почти нет упоминания о реальных событиях и тенденциях этого времени. Это и заставило авторов говорить о поэзии, например, «обобщенным» способом, просто перечисляя главные произведения каждого из них. Читателю предлагается большой материал, но без настоящих выводов о том, какие же процессы шли в поэзии, как побеждала в ней социалистическая идеяность вопреки живущим еще влияниям декаданса, формализма, как осваивались в поэзии новые темы советской действительности.

Некоторые закономерности развития литературы этого периода в очень краткой форме авторы коснулись, характеризуя прозу 20-х годов. Они говорят о стремлении писателей «глубоко осмыслить революционную эпоху», «овладеть методом социалистического реализма». Схематическое и декларативное изображение человека и исторических событий в некоторых произведениях советской литературы периода гражданской войны сменяется в литературе 20-х годов реалистическим изображением советских людей и явлений общественной жизни. Это последнее определение является, на наш взгляд, неверным, упрощенным.

Во многих произведениях эпохи гражданской войны образы могли быть — были — плакатыми, гиперболизированными, но оттого они не переставали быть реалистическими, ибо в своеобразной форме воплощали в себе великую правду эпохи времени — победу трудящегося человека над миром собственничества. Со схематизмом это не имеет ничего общего. Литература 20-х годов действительно делает огромный шаг вперед по пути развития реализма, но все добитое в эпоху гражданской войны служит ей опорой, а не помехой, как несомненно подучается у авторов книги.

Неверно это определение и потому, что именно в 20-е годы идет острая борьба со схематизмом всякого рода — и пролетарского, и буржуазного, и формалистического, и сериационщины. Не видеть этой борьбы, сглаживать ее, — значит отступать от истины.

Данью дурной традиции является построение главы о литературе 20-х годов. Так уже повелось, что в вузовских курсах и учебниках разговор о литературе этого периода начинается с характеристики существовавших в тот период литературных групп и группировок. Издаются по порядку позиции каждой из групп, сопровождаемые критическими оценками. Все как будто на месте, а на деле получается одна видимость исторического изучения фактов. Молодой, неискушенный читатель или слушатель испытывает только недоумение: какие же это «группы» занимались созданием литературных группировок? И какое ничтожное дело запоминать все их отщепы!

Давно уже пора отказаться от такого принципа характеристики литературного процесса 20-х годов. Не всякой групп и группировок определялось направление литературного процесса той эпохи, именуемого под знаком все большего и большего утверждения социалистических принципов в искусстве, приобщения писателей к действительности, к правде жизни, преодоления чуждых и неверных тенденций. Только уяснив логику и смысл творческого соревнования, развернувшегося в обстановке борьбы за социализм, можно будет понять и почему были группировки и что отличало каждую из них.

Общей, приближенной является и характеристика литературы эпохи победившего социализма, сталинских пятилеток. Тезис о том, что «советская литература добилась новых серьезных успехов и значительно выросла в идейно-художественном отношении», подкрепляется преимущественно простым перечнем произведений.

ПЬЕСА О ГЕРЦЕНЕ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Халтура под копирку

В адрес петрозаводской республиканской газеты «Тогус» поступило письмо из Ленинграда. В нем говорилось: «Шлю вам статью Е. Петрова о Эрзенбурге — портретную и толковую... Елена Петрова — автор из «Вечернего Ленинграда», «Звезда» и проч... Жму руку. Д. Молдавский».

Мы, редакционные работники, знали молодого ленинградского критика Молдавского: в газете «Тогус» были опубликованы две его рецензии. С Еленой Петровой, которую так горячо рекомендовал Молдавский, мы познакомились впервые по ее статье.

«Новый роман И. Эрзенбурга — «Десятый вал» — подлинная эпопея великой борьбы за мир... прочли мы в статье Петровой... Писатель стремится показать созидательный труд советских людей... Такова, например, картина строительства Волго-Дона, ирис и космополитически описанная И. Эрзенбургом». Роман И. Эрзенбурга — действительно эпопея великой борьбы, но причем же тут картина строительства Волго-Дона, которое в романе «Десятый вал» не описывается?

Но Петрова не сдается. В подтверждение своим словам она приводит выдержку: «Подходили к Калуге. Барсегин послал летчику записку: «Садитесь сейчас не будем. Берите на Цимлу, а оттуда на оросительные работы, к Сареву. Там отдохнем, завтрапьем и движемся обратно».

Ленинградцы являлись собой странное зрелище. Она напоминала до огромного высокого озера... И так далее — добрый кусок из... повести К. Паустовского «Рождение моря» («Знамя», № 4 за 1952 г.).

Редакции стало ясно, что она имеет дело с явной литературной халтурой. Компанья статеку, Петрова взяла из журнала, в котором напечатан роман И. Эрзенбурга, первую приглянувшуюся ей выдержку, даже не поинтересовавшись, кому она принадлежит.

Попутно выяснилась еще одна немаловажная деталь. Разножеле на машинке само, по словам Д. Молдавского, «портретную и толковую» статью, Петрова содала ее, видимо, не только в «Тогус», так как та же рецензия появилась в вологодской областной газете «Красный Север» со всеми «укорнениями».

Нас удивляют не только поступок Е. Петровой и рекомендация Д. Молдавского, но и доверие работников газеты «Красный Север». Неужели в редакции не нашлось ни одного человека, прочитавшего роман И. Эрзенбурга или повесть К. Паустовского?

Н. ГИПНИЕВ,
П. НИКИТИН

ПЕТРОЗАВОДСК

Новые книги

Валдис. Детство у Стабурага. Картины из жизни на доне природы. Сокращенный перевод с латышского О. Валодис. Рига. Литгосиздат. 326 стр.

Возвоч М. Рассказы. Повести. Киев. Гослитиздат Украины. 265 стр.

Гардин В. Воспоминания. Т. 2. Госкиноиздат. 278 стр.

Григорьев В. Григорий Селихов. Исторический роман. «Советский писатель». 594 стр.

Гудзий Н. Лев Николаевич Толстой. Из курса лекций по истории русской литературы XIX века. Издательство Московского университета. 112 стр.

Зюль Э. Рассказы и статьи. Перевод с французского. Гослитиздат. 240 стр.

Максимов Н. Понски счастья. Роман. Профиздат. 527 стр.

Поэзия свободной Венгрии. Перевод с венгерского. Предисловие А. Гидаша. Издательство иностранной литературы. 152 стр.

Прогрессивная литература стран капитализма в борьбе за мир. Сборник статей. Издательство Академии наук СССР. 392 стр.

Современные поэты Китая и Кореи. В переводе А. Гитовой. Лениздат. 256 стр.

Фучик Ю. Избранное. Перевод с чешского. Издательство иностранной литературы. 250 стр.

Шубин П. Стихотворения. «Молодая гвардия». 184 стр.

Эрзенбург И. Сочинения. В 5 томах. Т. I. Паленко Парижа. Роман. Гослитиздат. 516 стр.

ФИЛЬМ, ДОСТОЙНЫЙ ВЕЛИКОЙ ТЕМЫ

С. ОЛЕНИН

За последние годы сдвинулся воедино слова «Волго-Дон» стали таким же привычным речением в языке народа, как некогда их старшие братья — «Днепро-Дон», «Беломор», «Магнитка»... И вот теперь на экраны вышел документальный фильм, показывающий, как был создан Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина.

Летом этого года в дни завершения работ на Волго-Донском канале режиссер фильма Ф. Киселев печатал в газете «Советское искусство» статью, в которой рассказывал о смелых задачах будущего фильма. И в этих статьях славилась творческая инициатива советского человека, гордость поручением делом проявлялось чувство хорошей рабочей тревоги. Получится ли? Успех ли снись все, что не должно, что не имеет права пройти бесследно? Сумеем ли отобрать из многих и многих тысяч метров отснятой пленки главное, решающее?

Фильм вышел на экраны, и теперь можно ответить на вопросы, которые не раз, наверное, задавал себе создавший его творческий коллектив.

Получилось! И снять удалось, хотя события разворачивались стремительно, а объекты съемки были отдалены друг от друга расстояниями гигантского строительного плацдарма, и отобрать сумели, хотя, наверное, было бы более трудно идти на самоограничение, выбирая из сотни кадров — один, из тысячи метров пленки — десяток!

Фильм принесет народу радость зрелого узнавания того, о чем каждый внимательно читал в газетах, стараясь представить себе, как же выглядит эти гигантские цифры, эти астрономические объемы работ, эти исполинские планы и, главное, как выглядят люди, которым все это оказалось по плечу, по силам...

В фильме достигнуто высокое сочетание науки и искусства. Интереснейшие познавательные сведения и ярких художественных образов. Потому, скромно названный «документальным», он имеет все права, если не по жанру, то по сути, по стилю, — называться художественным.

От первых вступительных кадров, которые показывают пять морей Советского Союза, еще недавно отсеченными друг от друга, через короткие куски хроники, напоминающие о создании Беломорско-Балтийского канала имени Сталина и канала имени Москвы, через изображение Волги и Дона, раздвинутых «неразумным природой», как говорится в одном из старинных документов, переводя объектив кинокамеры, а за ним и взгляд зрителя с натуры на карты страны, выполненные с наглядностью осязаемого учебного пособия, авторы фильма делают зримым и прехлодно понятным детальный тезис постановления правительства о создании Волго-Донского канала: «проведение Волго-Донского судоходного канала является не частной и не нравовой задачей, а задачей общесоюзного значения, имеющей своей

Волго-Дон. Ценный документальный фильм о строительстве и открытии Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина. Сценарий Е. Рубинова и Ф. Киселева, режиссер — Ф. Киселев; операторы — Б. Небылицкий, Е. Ермилов, Е. Лозовский, И. Михеев; композитор — Л. Степанов; звукооператор — К. Никитин; текст — Е. Рубинов; читает — Л. Жаров; художники — Я. Бабушкин, В. Крестинников; консультанты — М. Гришин, М. Сидоров, Л. Вольский; монтаж — М. Зисов; известно Центральным ордена Красного Знамени студии документальных фильмов. 1952 г.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Вчера литературная общественность Ленинграда отмечала столетие со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка. Днем на Никольском кладбище Александровской дачи состоялась торжественное возложение венков на

целью соединения всех морей Европейской части СССР в единую волно-транспортную систему».

Узнав из вступительной части фильма еще раз масштабы этой гигантской народнохозяйственной задачи, зритель с особенным вниманием вглядывается в первую панораму строительства, заснятую с самолета весной 1951 года. Велико мастерство создателя фильма, среди которых нужно прежде всего отметить операторов, показавших образцы умной, точной, выразительной работы. Каждый кадр интересен и заделанным в нем материалом (ну, кому же из зрителей не любопытно увидеть, наконец, вочую, как работают земснаряд, скрепер, бульдозер, водопонижительная установка!) и тем, что каждый кадр решен пластически и живописно, так, что позволяет опустить всю красоту сверхзадачи.

Не перекажем все события, запечатленные в фильме. Вот, например, часть, связанная с Цимлянским гидроузлом и характерная для всего фильма в целом. Здесь все время подробно по деталям, хотя и короткими по времени съемки отдельных объектов — работа арматурщиков, сварщиков, бетонщиков — чередуется с общими планами, снятыми с воздуха в гигантски-обобщающих масштабах. И этот постоянный переход от объекта, снятого в упор, к панораме всего гидроузла, а затем к карте, к схеме, раскрывающей инженерный замысел, положенный в его основу, этот постоянный переход от частного к общему помогает понять целесообразность, продуманность всего того, что проходит перед глазами зрителя, опустить смысл и направление бурного движения стройки.

По не только целесообразности и продуманности. Фильм передает красоту великой стройки. И, глядя на эти прекрасные кадры, не можешь не думать о том, как порадовался бы этому фильму, пронизанному поэзией созидательного труда Алексей Максимович Горький, неустойно повторявший: «...делом, делом создано на земле все то, чем люди имеют право гордиться, все то, что привело нас на высоту, которую мы запали и где нас видит весь мир трудящихся».

Красивы снятые в фильме люди, красивые красотой мужественного и вдохновенного труда. Они появляются не надолго, но мы их запоминаем. Мы запоминаем и улыбку девушки-геодезиста, когда наметив место, она встала среди голой степи дощечку «Третий шлюз»; и особую хозяйскую хватку, с которой берется за рычаги экскаваторщик Прохоров, молодой колхозник, обученный работе на экскаваторе своим сыном; запоминаем и зоркий взгляд опытных глаз Василия Арсентьевича Барабанова, начальника строительства Цимлянского гидроузла...

Когда теплоходы идут теперь по Волго-Донскому каналу, где по берегам гнутся гигантские отвалы земли, которую до сих пор разравнивают машины, а между этими циклопическими грядками искусственных холмов прохлдит широкая лента воды, кто-нибудь обязательно говорит: «А ведь это все Услов вырыл! Он и команда его «Шагающего».

Так как же не всматриваться теперь в лица этого человека и его друзей, при-

могли писателя. На митинг собрались ленинградские литераторы и представители общественной организации, а также московские гости В. Ермилов, Г. Николаев, К. Мурзилка. Митинг открыл ответственный секретарь ленинградского отделения ССП А. Чилинник, с речами выступили В. Ермилов и М. Слонимский.

Вечером в Доме писателя состоялось собрание, посвященное памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка. Доклад о его жизни и творчестве сделал кандидат филологических наук А. Грудцев.

ПАМЯТИ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

стально и любовно запечатленных ашпратом!

И еще одно. Когда во время строительства нам довелось побывать на берегах и на дне будущего Цимлянского моря, мы услышали рассказ о том, каким оно будет. Рассказ этот было легко опустить, но было очень трудно, почти невозможно представить себе: как это будет выглядеть, когда здесь вместо травы и песка будет вода? А теперь, недавно проплыла по уже созданному Цимлянскому морю, нам было еще труднее представить себе: как выглядело все это еще год назад? Неудели здесь была не вода, а трава и песок? Неудели здесь наглядно показало движение стройки от того, что было, к тому, что стало. Мы видим тополя. Лето 1951 года. И тополя стоят на высоком холме среди степи. Следующий кадр: те же тополя, только сняты они год спустя. Холм стал берегом моря, и кроны тополей отражаются в воде. Так в двух соседних кадрах совмещены два далеких отстоящих друг от друга этапа стройки.

Фильм смотрится со все нарастающим напряжением. Чем ближе к завершению канала, тем напряженнее будет ритм работы, тем напряженнее, тем напрястее и внутренний ритм фильма.

Высоколетно снята ночь накануне пропускания воды через плотину Цимлянского ГЭС — настороженная, напряженная. Чудесно передано чувство радости, когда сасовал, украшенный кумачом, торжественно несет бадью с последним кубометром бетона.

И вот, наконец, перед глазами проходит незабываемое: медленно и торжественно движутся воды Дона навстречу водам Волги. Рядом с бегущей водой бегут люди. Движению воды рукоплещет народ. Всего несколько шагов отделяют Дон от Волги. Огонь пламя. Пошлага. И вот они слились, соединились, и уже нет больше отдельно Дона и отдельно Волги, а есть огненные и навеки единый и великий Волго-Дон!

Любовно, с отлично найденными бытовыми реалистическими деталями снято народное торжество в дни пуска канала: митинг, концерт, праздники в болхозах, колхозные скачки. Снято это умно и весело, так же, как умны и веселы запечатленные в этих кадрах люди.

Последние части фильма показывают, как Волго-Дон начал свою службу стране. Вязкая нефть, доносский уголь, северный лес идут по каналу, суда швартуются у причальных стенок новых портов, караулы из пяти морей приветствуют друг друга на Цимлянском море — работает Волго-Дон! Но Волго-Дон — это не только водный путь. Это — вода, отсвещающая заасу, это — небывалые урожаи! Шумят на экране поля, напоенные влагой. Аппарат ведет нас к колхозникам, выращивавшим новые для стальных районов культуры, показывая первые участки оросительных систем в действии и снова возвращает на канал. Идут теплоходы из Ростова в Сталинград и в Москву, из Москвы в Ростов... Гордые и счастливые улыбки тех, кто смотрит с борта теплохода в зал, сливаются с улыбками зала. Это народ улыбается Волго-Дону...

Если искать самую короткую и, пожалуй, самую точную оценку тому, что мы увидели на экране, можно сказать: фильм, посвященный Волго-Донскому судоходному каналу имени В. И. Ленина, достоин своей великой темы.

«Ведная, жалкая жизнь! Не могу с нем вымыкнуться...» — рассказывал Герцен в «Записках одного молодого человека» о годах своей вятской ссылки. «...нет ни одной щелки, куда бы прорезался луч восходящего солнца, в которую бы подул свежий утренний ветер».

Герцен с честью прошел через испытания ссылки. Задыхался в атмосфере убогого, пошлого существования провинциальной чиновничье-помещичьей среды, молодой революционер, лишь недавно оставивший аудитория Московского университета, сохранил верность юженинской клятве на Воробьевых горах и уклонился в решимость отдать жизнь борьбе за освобождение и счастье родного народа. Вятка стала началом большого и сложного пути будущего великого русского демократа, писателя и мыслителя.

Замесил пьесы о первой ссылке Герцена исключительно благодарен, и следует горячо приветствовать обращение Кировского драматурга Ивана Шпикина к этой теме.

Сюжетным и идейным стержнем пьесы И. Шпикина является борьба Герцена с ненавистным ему крепостническим строем царской России. Автор рисует колоритные фигуры вятских градоправителей, чиновников, обывателей. Сцены, посвященные угнетавшему Герцена миру насилия, произвола, дикой пошлости и разврата, безусловно, удалась драматургу. Он свободно владеет материалом, хорошо чувствует динамику сценического действия, уверенно ведет диалог.

Перед нами, несомненно, произведение одаренного драматурга. И если бы образ самого Герцена был раскрыт с такой же силой и мастерством, с каким изображено окружение Герцена, можно было бы считать, что И. Шпикин одержал творческую победу. Однако с образом центрального героя автор пока еще не справился. Пьеса о Герцене в Вятке скорее стала пьесой о Вятке, какой увидел ее сельский Герцен.

Прежде всего, образ писателя крайне статичен. Хорошо известно, что ссылка обогатила Герцена знанием русской крепостнической действительности. Он сам неоднократно признавал, какой глубокий след в его идейном развитии оставило «сприческое соприкосновение с жизнью». Но в пьесе это показано. Герцен уезжает из Вятки таким же, каким приехал туда. Произносимые Герценом страстные обличительные речи, с большим количеством цитат из поэтических произведений, отнюдь не раскрывают его внутреннего мира.

На протяжении всей пьесы читатель остается в полном неведении о напряженной духовной жизни молодого революционера, его глубоких идейных раздумьях, литературных занятиях. И когда в конце пьесы, буквально под занавес, Герцен находит говорить о своей писательской работе и широких планах на будущее, это звучит неожиданно, поскольку не было подготовлено всем развитием действия.

Обращаясь к художественной характеристике молодого Герцена, автор обязан был заботиться о верности создаваемого им образа исторической правде. Советские люди хотят видеть своих великих предшественников такими, какими они были в действительности, во всей сложности и часто противоречивости их мировоззрения и деятельности. К сожалению, в пьесе И. Шпикина образ Герцена не свободен от ложного, искусственного приукрашивания.

В пьесе преувеличена степень близости Герцена к народу в период его ссылки в Вятку. Типичная для молодого Герцена тема горького сознания своей оторванности от народной России вышла из поля зрения автора. Во встречах и беседах Герцена с крестьянами, в его словах о «двух Росси-

ях» и угрожающем напоминании вятскому губернатору Тифану о Разине и пугачевщине (акт IV, картина 9) перед нами выстает скорее убежденный демократ, чем ближайший наследник декабристов, дворянский революционер, который еще свыше двух десятилетий в переловой дворянской интеллигенции будет видеть основную революционную силу русского общества.

В своей борьбе с тюфяковской, помещичье-чиновничьей Вяткой Герцен не был одинок. «В этом захолустье вятской ссылки», писал он в «Былом и думах», — в этой грязной среде чиновников, в этой печальной дали, разлученный со всем миром, без защиты отдаленный от власти губернатора, и провел много чудных, святых минут, встретил много горячих сердец и дружеских рук». Автор, как творчески выспе, сумел живо изобразить чиновничье окружение писателя, но для характеристики друзей Герцена он не нашел ярких, правдивых красок; их образы похожи один на другой и не запоминаются. Правда, сохранилось не много достоверных свидетельств о вятских знакомых Герцена, но драматург, во-первых, далеко не в полной мере использовал их, а во-вторых, в отличие от историка-литературоведа, имел право художественным вымыслом допознать наши представления о герценовском кружке.

В картинах из жизни чиновничьей среды и вятских обывателей, во многих жанровых сценах автор смело и удачно угадывает, как мог протекать тот или иной эпизод, известный лишь по беглому упоминанию в воспоминаниях или письмах Герцена и его современников. Однако, обращаясь к положительным персонажам пьесы и, в частности, к образу самого Герцена, И. Шпикин крайне неуверен в отношении к материалу, и здесь его домисел действительно теряет свою историческую основу.

Прежде чем печатать пьесу, редакция должна была потребовать от драматурга более глубокой и исторически правдивой характеристики молодого Герцена, его общественно-политической борьбы, идейных и литературных исканий в период вятской ссылки. Но редакция «Кировской новизны», видимо, придерживалась другого мнения. В той же книге альманаха в редакционной статье, посвященной творчеству Кировских писателей, мы встречаем неумеренное восхваление пьесы И. Шпикина. Не ожидая отклик читателей, годна критики, литературной общественности, редакция спешит объявить печатаемую ею пьесу «оригинальным драматургическим произведением», автор которого «воссоздал образ А. П. Герцена периода вятской ссылки, а также образы его друзей... и врагов... Пьеса написана профессионально грамотно, с учетом и знанием сценических законов, ее персонажи говорят и действуют самостоятельно, без подсказываний со стороны автора» (?).

Оказывается, ранняя редакция пьесы, в которой она была поставлена на сцене Кировского театра, «имела существенные недостатки», в частности, в ней «неточно характеризовались взаимоотношения Герцена с народом». Автор пьесы, заверяется в статье, учел эти ошибки, «и теперь она печатается в нашем альманахе в новой, исправленной редакции».

Нет, не так надо помогать молодому драматургу. А помочь ему надо. У И. Шпикина, безусловно, есть способности.

Было бы хорошо, если бы этой пьесой заинтересовался репертуарно-редакторский отдел Комитета по делам искусств, если бы ее обсудили в комиссии по драматургии Союза советских писателей. Улучшенная и доработанная после такого обсуждения, пьеса о Герцене сможет найти место в репертуаре наших театров, получит большую сценическую жизнь.

В. ПУТИНЦЕВ

Специальную главу авторы посвящают образу нового человека в литературе данного периода. Намеренно правильное, Кожаненко, содержание главы разочаровывает. Здесь сказано, что «проблема нового человека была поставлена в советской литературе еще в предшествующий период ее развития». Но разве только «споставлена»? Не дала ли литература и решенной проблемы, о чем, кстати, в другом месте говорят авторы книги? И какими новыми гранями обогатилось изображение нашего современника в эти годы?

Для анализа литературы 30-х годов определяющее значение имеют труды товарища Сталина и особенно его отчетный доклад на XVIII партийном съезде. В этом докладе товарищ Сталин дал гениальное освещение вопросов государства при социализме, разбил вражеские левые взгляды об отмирании государства.

Эти мысли товарища Сталина помогают понять одну из характернейших особенностей литературы 30-х годов. Верная правде жизни, литература в ту пору вплотную подошла к изображению нового возросшего государственного самознания советских людей. Она осуществляла это в разных планах: то в лирическом выражении чувств советского человека — хозяина и защитника своего Отечества; то в непосредственном показе грядущей войны и обороны Родины; то в обрисовке нового миропонимания простых людей-тружеников, выходящих из захолустья на широкий простор творчества жизни; то берясь за ответственную творческую задачу изображения вождя революции, строителя Советского государства в их титаническом труде — мобилизации революционных сил народа на отпор врагу, угрожающему молодой Советской республике.

Эта существенная тенденция литературы 30-х годов, имеющая творческое продолжение в литературе современного периода (строительство советских форм жизни в диалог И. Федина, романах В. Ладеса, идея необходимости Советского государства в романах И. Эрзенбурга), плохо и слабо учитывается историками нашей литературы. В частности, не получает она достаточно полного отражения и в рецензируемой книге. Лишь в оценке исторического романа да в характеристике творчества А. Толстого и Н. Островского авторы касаются этой темы, но досадно обрывают ее развитие.

Картина литературы эпохи Великой Отечественной войны включает богатый материал — от публицистики до больших эпических форм. Но главы эти построены традиционно, основным здесь оказывается беглый обзор литературы по жанрам, при

этом упускаются из вида закономерности развития советского общества в период войны, обусловившие собой литературный процесс того времени.

В журнальных статьях, посвященных литературе Отечественной войны, часто встречается такое толкование литературного развития: от простого — к сложному, от малых форм — к обобщениям, к эпическим формам, от газетного очерка и лирического стихотворения — к роману, повести... Представление это пусто и козно, расплывчатость, стало довольно ходовым. А между тем грош ему цена, и реальные факты начисто опровергают эту выдумку. Напомним, что уже в начале 1942 года появилась повесть В. Гроссмана «Народ безмолвен», а короткий — газетный — рассказ был представлен не только в 1941 году, но и в последующие годы (например, замечательный по силе и законуному рассказам Н. Тихонова «Черты советского человека»). Так же обстоит дело с публицистикой, очерком и всеми другими жанрами.

Общественный, справедливый характер войны советского народа с силами фашистской агрессии обуславливал собой интенсивную духовную жизнь наших людей, борющихся за великие цели, обуславливал тем самым и богатое развитие литературы во всех ее жанрах и формах. Однако авторы книги «Русская советская литература» пишут: «Уже в первые месяцы войны наметилось стремление советских поэтов перейти от лирических стихов к широкому художественному обобщению». Вывод неверный и в теоретическом плане, и фактически. Лирика сама по себе является художественным обобщением и в этом смысле не может быть противопоставлена эпической поэзии, развитие лирики не исключает, не противостоит развитию больших жанров поэзии; в годы войны перед поэтами не стояла дилемма «переходить» от лирики к эпосу, с равным основанием они выступали и лириками и создателями больших форм поэзии.

Обозревая литературу военных лет по жанрам, авторы лишались возможности показать идейно-художественный рост советской литературы в связи с развитием жизни советского общества — от начального периода войны, когда поставлена была задача всенародной мобилизации сил на отпор врагу, отрешения от привычек мирного времени, к полному выявлению победной мощи Советского государства. У читателя книги не создается ясного понимания, чем же обогатилась советская литература в этот период, в чем состояло развитие метода социалистического реализма, какие новые черты внесены в изображение геро-

современника? А именно этого ожидается от пособия, а не изложения содержания «Непокоренных», «Фронта» и других произведений. Не дают авторы представления и о разнообразии творческих направлений — напротив, кое в чем они даже стесняют отличия, грани. Так, публицистика Я. Леонова характеризуется почти в тех же выражениях, что и публицистика А. Толстого. Излагая содержание «Непокоренных», авторы слова не говорят о стиле произведения.

В «Русской советской литературе» много места уделено вопросу традиции, неразрывной связи советской литературы с наследием классиков. Это имеет принципиальное значение в книге, политически заостренной против всякого рода пролеткультовщины и рупновщины, враждебной советской культуре.

Говорят ли авторы о творчестве Маяковского, идет ли речь о Горьком, Фадееве, Твардовском, Макаренке, Цаковском — всюду выражено стремление указать, какие традиции наследует писатель, чем он их обогащает.

В ряде случаев наблюдения и выводы авторов интересны, конкретны, убедительны. Но часто встречаются ссылки досадно общие, часто декларативного характера. Вот одна из таких ссылок: «Творчество Пушкина, Лермонтова и Некрасова, язык их поэзии явились художественной основой творчества зрелого Маяковского». Мысль сама по себе правильная, но эти положения не подкреплены конкретным анализом.

Некоторые же выводы авторов относительно традиции неверны. Нельзя, например, согласиться с тем, что автобиографическая трилогия Горького была «полным контрастом» трилогии И. Толстого. Оказывается, величайший реалист XIX в. писал о действительности в идиллическом плане». Авторы устанавливают фальшь Горького только с Щедриным и Писемским, начисто отбрасывают творчество традиция.

Недостатки книги «Русская советская литература» в вопросе о традиции имеют также характер не частный, а общий. У критиков и литературоведов есть сейчас активное стремление разобраться, изучить вопрос о традиции и новаторстве, отнестись всякого рода нигилистические тенденции. Но это стремление еще мало и слабо воплощено в жизнь: почти нет работ, где бы эти темы находили достойное освещение, порой встречаются весьма субъективные догадки и домыслы.

В книге «Русская советская литература» главы монографические качественно несравненно выше, чем главы обзорные, — они конкретнее, в них поставлены некоторые вопросы художественного своеобразия

нашей литературы. И опять-таки в этом различии сказалось современное состояние нашей критики и литературоведения. В центре внимания критики сейчас — создание монографии о творческом пути советских писателей. Ряд книг уже вышел из печати и получают общественную оценку. Гораздо хуже обстоит дело с работами, обобщающими пути развития советской литературы, выясняющими закономерности литературного процесса советского общества. Таких работ очень мало, и потому здесь о многом существует представление самые приблизительные или бесцельно устаревшие.

В монографических главах книги «Русская советская литература», занимающих несравненно больше места, чем главы обзорные, серьезное внимание уделено конкретному анализу произведений. Здесь авторы делают много серьезных выводов, касаясь содержания и художественного своеобразия поэм В. Маяковского, «Педагогической поэмы» А. Макаренки, «Подвиги целины» М. Шолохова, «Василия Теркина» А. Твардовского, «Железного потока» А. Серафимовича, «Разгром» А. Фадеева и других классических произведений советских писателей.

Но и в наиболее разработанных монографических главах есть существенные недостатки. В анализе произведений авторы порой идут по общему пути. Зачем, например, в главе о В. Маяковском нужно было такое место уделить изложению содержания поэм и стихов? Пересказ содержания торжественно и там, где идет речь об очерках Серафимовича периода гражданской войны о «Донских рассказах» М. Шолохова и др.

Но и не всегда и не во всем в этих главах раскрывается глубоко революционная сущность нашей советской литературы, ее боевая общественно-воспитательная сила. Так, например, невольно мало внимания уделено в книге «Тихому Дону» М. Шолохова. Кратко изложены содержание каждого из томов романа, авторы ограничиваются замечаниями об образе Григория Мелехова, Акиньи и изображении в романе большевиков. Не раскрыта тема народа и революции. Боевое, революционное звучание шолоховской эпопеи остается нераскрытым.

В анализе «Железного потока» мало внимания уделено изображению революционной борьбы масс, того, что, собственно, и делает их «железным потоком», опорой советского строя жизни. Между тем изображением революционной практики самих масс — одно из замечательнейших завоеваний советской литературы, выраженное ее на-

реальности, подлинной революционности. Горюпа о «Чапаяеве», авторы опять-таки склонны преуменьшать значение революционной практики для формирования народного героя. А ведь потому и плодотворным оказалось идейное воздействие большевика Клычкова на Чапаева, что оно опиралось на жизненную основу, шла навстречу потребностям самой действительности. «История» А. Толстого справедливо назван в книге «важнейшей вехой в развитии не только русского, но и мирового исторического романа». Подчеркнута правдивость повествования, обстоятельность изучения материала писателем, прекрасное изображение деталей быта петровской эпохи. Авторы отмечают «огромное значение, познавательное и воспитательное», романа А. Толстого. Но как раз воспитательное значение этого романа не раскрыто в книге, оценка произведения дается вне связи с идейной жизнью страны, развитием идеи советского патриотизма, укреплением Советского государства.

Существенный недостаток монографических глав — слабый анализ новаторских черт советской литературы. Здесь опущено многое авторы тагоиние и общим, обтекаемым формулировкам, в которых утрачивается, растворяется конкретная характеристика литературного произведения. То и дело можно встретить ходовые выражения: «замечательное произведение», «исключительным мастерством», «с замечательным мастерством», «замечательны язык поэм», «написана с большим мастерством и яркостью» и т. п. И хотя есть в книге немало удачных страниц, посвященных конкретным особенностям мастерства писателей (образ природы, язык произведений М. Шолохова, своеобразие поэтики В. Маяковского, язык «Идеологической поэмы», жанры творчества Д. Ведного и др.), но из-за общности отвлеченных и крайне общих оценок теряется представление о росте мастерства советских писателей, о художественных завоеваниях литературы социалистического реализма на разных этапах ее развития. Подобные штампованные фразы ничуть не помогают выяснить вопрос, чем обогатилась советскую художественную культуру той или иной писатель, в чем сказалось разнообразие писательских дарований (за исключением тем и образов творчества). Авторы книги мало используют метод сопоставительный, сравнительный, который хорошо помогает уяснить художественную неповторимость произведения.

С этим недостатком художественного анализа связана еще одна особенность книги — слабая ее критическая заостренность, ма-

жидики, с речами выступили В. Ермилов и М. Слонимский. Вечером в Доме писателя состоялось собрание, посвященное памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка. Доклад о его жизни и творчестве сделал кандидат филологических наук А. Грудцев.

Непростительно полное отсутствие критического начала в главе о послевенной литературе — главе вообще совсем безгой, информационной. Обзор произведений этого периода — «Белой березы» М. Буенникова, «Повести о настоящем человеке» В. Ползого, «Буря» П. Эрзенбурга, романов В. Азаова, И. Павленко, С. Бабанского, пьес, поэм и стихов в защиту мира, романов К. Федина и Ф. Гладкова — идет под знаком безоговорочного одобрения, без малейшей попытки понять, разобраться в недостатках, которые есть и в творчестве ведущих советских писателей.

Несверно было бы думать, что самый тип книги «Русская советская литература» как популярного пособия исключает критические оценки. Независимо от типа книги, литературоведческая работа, как и вся наша художественная литература, должна быть подчинена одному принципу — писать правду, быть верным самой действительности. Критическое, выискательское отношение к изучаемому материалу обязательно при освещении истории нашей литературы. Только при этом отношении могут быть в полную силу выявлены и ее огромные завоевания.

Недостатки книги «Русская советская литература», как уже отмечалось, свидетельствуют, что многие вопросы развития советской литературы либо еще не решены критикой, либо получают слишком общую характеристику. Как один из первых опытов популярного освещения пути, пройденного нашей литературой, книга А. Демьянова, Е. Наумова и Л. Плоткина, несомненно, принесет пользу и заслуживает всяческой поддержки. Выход этой работы является еще раз подтверждением настоятельной необходимости появления научных фундаментальных исследований, обобщ

